

"ДЫША духами и туманами, она садится у окна", — в Серебряном веке цвёл культ женщин-загадок, тех, что появляются из неведомых сказаний и уходят в закат. Они белы аки лилии, благоуханны, как розы, и облачены в наряд из гор-тензий, камелий, гиацинтов. Нервные шелка — впрочем, пошитые в Париже самим Жаком Дусе — поэты сравнивали с вихрем лепестков и очарованием букетов. Бывало, что те шелка — упругие и "...веют древними поверьями", как у Александра Блока. Эра контрастов благоволила к ярким противоположностям — к пышным шансонеткам, поющим гривуазные куплеты, и к полупрозрачным девам-грёзам с тонкими запястьями. Причём и те и другие могли нравиться одновременно, и, вволю настрадавшись по какой-нибудь печальной барышне, цитирующей Надсона, кавалер устремлялся на выступление мамзель Зизи, что "проездом из Монте-Карло", а на деле — с Нижегородской ярмарки.

Серебряный век одновременно жаждал будущего и обожествлял прошлое. Оно казалось чем-то волшебным и завлекающим. "Ты любишь прошлое, и я его люблю, / Но любим мы его по-разному с тобою, / Сам Бог отвёл часы прибою и отбою, / Цветам дал яркий миг и скучный век стелю", — писал Иннокентий Анненский. "Я люблю усталый шелест / Старых писем, дальних слов... / В них есть запах, в них есть прелесть / Умирающих цветов", — признавался Максимилиан Волошин.

Причина той любви банальна. Человек пугался царства машин, что наступало с неумолимостью рока, а грядущее не только манило, но и озадачивало. Все кричали об общественных потрясениях, каковые и не заставили себя ждать. А пока — наслаждаемся старинными книгами, ностальгируем по Версалю маркизы де Помпадур или, как Блок, выпишем фразу: "Кто-то думал о бледной красе".

О ней постоянно думал Виктор Борисов-Мусатов — один из виднейших мастеров нашего ар-нуво. В Третьяковской галерее сейчас проходит выставка работ, многие из которых известны чуть ли не с детства, а иные экспонируются довольно редко. Это метод современных проектов — являть творчество всеохватно, без изыятий и акцента на шедеврах.

Не всякий, кто созидает красоту, непременно хорош собой — Борисову-Мусатову не повезло. Мал ростом, да ещё и горбат. "И вот этот добрый горбун — художник Борисов-Мусатов — остановил эту прелестную осень", — упоминал Константин Паустовский. Специфический недуг — не от природы: трёхлетний Витя травмировал позвоночник, а должного лечения так и не получил. Безобразие фигуры испугало выразительным лицом с умными глазами, а ещё — узкой костью и длинными пальцами. Перед нами — фотографии художника, сделанные в разные периоды. Он умел презентабельно выглядеть и не экономил на сортуках.

Борисов-Мусатов — родом из народа, коренной саратовский парнишка. Предки — крепостные крестьяне, записанные после реформ в мешанское сословие. Будущий художник получил образование в Саратовском реальном училище, где и увлёкся рисованием. Затем — обучение в

специализированных классах, там готовили к поступлению в Академию. Посещал он и различные мастерские, ещё не пытаясь найти свой почерк, но ревностно обучаясь технике. Юного Мусатова (на тот момент ещё не придумавшего себе двойную фамилию) ждали столицы и Академия художеств, где ментором его сделался авторитетный Павел Чистяков, сторонник академизма и вечной классики. На выставке представлена одна из ранних картин — "Окно". Это — чистый реализм, причём высшего качества. Отлично переданы ставни, занавеска, цветы. При всей банальности "Окно" вовсе не скучная картина — в ней есть животворящий импульс.

Все его героини — из минувших столетий, мало связанных с реальностью, и если те же Константин Сомов, Евгений Лансере, Александр Бенуа воскресли в памяти маскарады Галлантового века с яственной отсылкой к Марии-Антуанетте или Казанове, то сам художник живописал фантазийный мираж, где нет привязки к точному времени.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ экспонат выставки — "Призраки" — холодящая, но манящая потусторонность и дымка, обволакивающая пленительных дам. "Образ твой, мучительный и зыбкий, / Я не мог в тумане осязять", — молвил Осип Мандельштам. Те же героини присутствуют на картине "Гобелен" — отрешён-

пристанище в старом особняке, где им никто не помещает петь романсы без слов.

Не менее чудесна "Гармония": некто в пуфреном парике и лиловом кафтане читает стихи, ему внимают меланхоличные барышни, а чуть поодаль расположилась старушка в платке — видимо, няня. Где это было и когда? Гармония тут — синоним воспоминаний о случившемся не с нами, да и не с художником. Виктор Борисов-Мусатов —ловец сновидений и дуновений. Декадент! — так называли его критики. В этом — прямодушие истины. Создавать бессюжетно-прекрасные полотна — это и есть чистейший декаданс в тогдашнем разумении. Николай Гумилёв чувствовал примерно то же самое: "Сады моей души всегда

метно и чётко, тогда как фоновые деревья кажутся размытыми, штриховыми, условными.

Это напоминает театральную декорацию, представляющую собой цветочные пятна, что воспринимаются из зала как настоящий парк, лес или сад. Серебряный век, модерн — время театральности во всех её проявлениях. Люди искусства примеряли на себя образы, лишь бы не выказать обыденность, а потому сама жизнь должна была сделаться очередным актом трагедии, комедии, оперетты-буффа.

На выставке можно увидеть портрет Надежды Станюкович —образованнейшей дворянки, жены офицера и поклонницы талантов. В те годы люди, стремившиеся быть интересными, выдумывали себе эффектные генеалогии. По семейному преданию, госпожа Станюкович была потомком рода Палеологов.

Из сопроводительных материалов мы узнаём, что при написании портрета художник вдохновлялся стихотворениями в прозе Ивана Тургенева, и одно из них — "Встреча" — является ключом к постижению замысла: "Я начал вглядываться: обаячко стало женщиной, стройной и высокой, в белом платье, с узким светлым поясом вокруг стана. ...Всё сердце моё устремилось вслед за нею. Она казалась мне прекрасной, дорогой и милой. ... Лицо её было белое... белое, как её одежда. ...Она вся словно окаменела; всем телом своим, каждой чертою лица своего эта женщина походила на мраморную статую". Действительно, Станюкович более напоминает парковое изваяние — вся в белом, на фоне зелени, она смотрит с отрешённостью и равнодушием, причём это не свойство души, а хладность вечности. Борисов-Мусатов испытывал к Надежде платоническую любовь, которая оказалась настолько возвышенной, что не вызывала ни капли ревности.

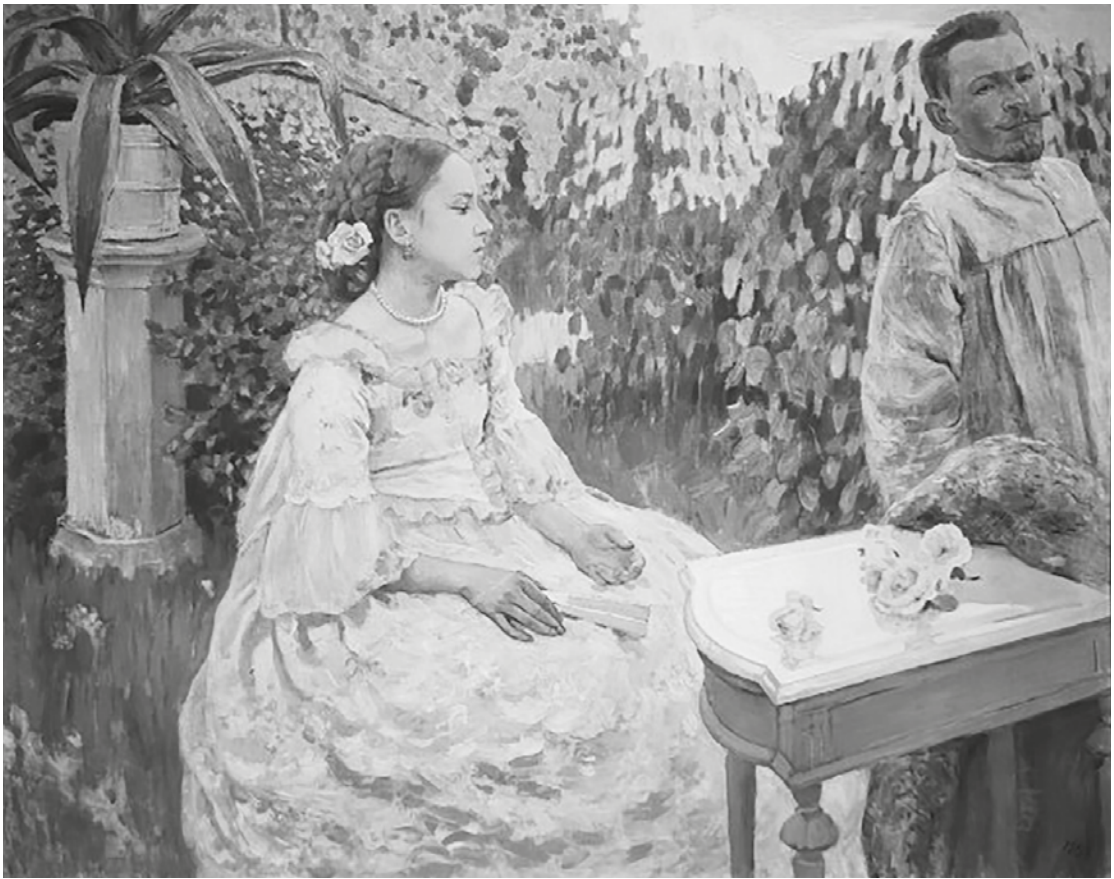
Прелюбопытный факт — Борисов-Мусатов сначала делал фотографии своих муз и нимф, одетых в причудливые платья, а затем уже писал картины. Он всерьёз увлеклся фототемой, актуальной в те годы. Общество дискутировало: не заменят ли снимки живопись?

Также среди экспонатов — пейзажные акварели: васильки и розы, деревья, панорамы имения. Представлены заготовки-эскизы к будущим произведениям — их показывают нечасто, а ведь они дают полноценное понимание техники Борисова-Мусатова.

Заквершает экспозицию "Реквием", где изображена всё та же Станюкович. Она умерла на руках мастера, её вдовешего, а через два месяца не стало и его. Виктору Борисову-Мусатову было всего тридцать пять лет. Его творчество то забывали, считая "вторичным" и "нежизненным", то снова чествовали. Модель его полотна — сестра Елена — прожила долгую жизнь, став свидетельницей того, как в 1970-х годах Борисовым-Мусатовым увлеклась советская интеллигенция, видевшая в русском ар-нуво некую вершину эстетического переживания. И вот снова — то ли девушке, то ли фантом. Осознаём ли мы эти фавулы? "Полувоздушно и незрима, / Подобна виденному сну", — начертал Александр Блок, ещё один создатель воздушных замков.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Автопортрет с сестрой». Художник Виктор Борисов-Мусатов. 1898 г.

Разумеется, последовал вояж во Францию — в парижскую студию Фернана Кормона. Среди его учеников были и Анри де Тулуз-Лотрек, и Николай Рерих. В экспозиции представлены парижские виды: "Эйфелева башня", "Кафе" с сидящей пожилой парой, бульвары, дождь. Зарисовки — во французской манере, и, если не знать авторства, легко принять их за шутливые обитатели Монматра.

Вернувшись, художник погрузился в богемную круговорот — на рубеже веков то и дело возникали объединения и группы, издавались журналы по искусству, затевались горячие диспуты. Борисов-Мусатов (первая фамилия — в честь одного из дедов, Бориса Александровича Мусатова) был близок к "Миру искусства" и вступил в Союз русских художников. Однако столичная феерия со скандальными выставками и манифестами новизны быстро наскучила — убожищем от грехота, фанфар и дискуссионных делений. Будущий художник получил образование в Саратовском реальном училище, где и увлёкся рисованием. Затем — обучение в

ностью, граничащая с нездешностью. Эти женщины никак не взаимодействуют со зрителем, ибо находятся в запретных сферах. "Руки, которые в залах дворца / Вальсы Шопена играли... / По сторонам ледяного лица / Локоны в виде спирали" — это словно бы ожившая героиня Марины Цветаевой.

Картины, похожие на стихи, — это и есть символизм в живописи. "Летний вечер", "На террасе", "Водоём", "Прогулка", "Весна" — не только цвет, свет и силуэт, но и звучание: "Я любил твоё белое платье, / Утончённость мечты разлюбовив". Акварельный рисунок "Романс без слов" — фантазмагорическое переплетение эпох, где юноша одет по моде XVIII века, дама — в платье 1860-х годов, а мебель — та, которая имела в доме. Это не выглядит костюмированной вечеринкой — тут нет задора, игры, маскарадной волнкости. Основной фон картины — белая печаль, и дело не в белоснежных нарядах, а в ощущении бесприемной грусти. Здесь тоже — призраки, случайно встретившиеся в доме, где жили раньше. Или гостили. А быть может, нашли

узорны, / В них ветры так свежи и тиховейны, / В них золотой песок и мрамор чёрный, / Глубокие, прозрачные бассейны". Сбежать от социальных драм в королевство дивных фей — к этому стремились многие.

ОШЕЛОМЛЯЮЩА картина "Изумрудное ожерелье", где нет никакого украшения. Это — метафора. Дубовые листья создают иллюзию изумрудного чуда. Женщины-эльфы бродят по заповедному лесу, ловя дыхания лета, когда зелень торжественно-роскошна и драгоценна, как самоцвет. Несмотря на то что мир Борисова-Мусатова — сновидческая ирреальность, музы его были вполне земными: сестра Елена, супруга — тоже Елена — и гости уютной Зубриловки. Одна из популярнейших картин Борисова-Мусатова — его "Автопортрет с сестрой". Примечательна композиция — фигура самого художника обрезана краем холста. В этом — эффект случайно увиденной сцены, хотя тут всё строго продумано и уравновешено. Передний план — резной столик с лежащими на нём розами — выписан пред-

трудничаем с Орловским объединённым государственным литературным музеем И.С. Тургенева. В его структуру входит дом, где прошли детские годы Леонида Андреева. Благодаря этому взаимодействию удаётся уточнить биографические сведения, обмениваться опытом и работать с материалами, охватывающими орловский период жизни писателя. Первые экспонаты, представленные в Бутове, появились благодаря этому сотрудничеству. — Какие экспонаты вы считаете наиболее ценными?

— Письмо Фёдору Шаляпину, написанное в 1916 году, а также несколько автографов писателя, включая посвящение Максиму Горькому. Кроме того, у нас представлены первые издания произведений писателя, включая его знаменитый труд...

Иван КАЛИНИЧЕВ

Музей писателя Леонида Андреева находится на ул. Изюмской, 61, корп. 1 (метро "Улица Скобелевская" или станция МЖД-2 "Бутovo"). Посещение возможно по предварительной записи. Тел. +7 985 170 68 85.

"РУССКИЙ Эдгар По", "мистический анархист", "певец ужаса", "родоначальник русского экспрессионизма" — как только не называли современники Леонида Андреева. Автор "Красного смеха", "Иуды Искариота", "Жизни Василия Фивейского", "Рассказа о семи повешенных", драм "Жизнь человека", "Анатема" и "Чёрные маски" был одной из самых ярких фигур Серебряного века.

Его книги расхвалили огромными тиражами. Первый сборник рассказов за год выдержал четыре переиздания, а гонорары Андреева нередко превосходили заработки Бунина и Куприна. Его пьесы ставили Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд и Таиров. Для русского общества начала XX века

влекшая внимание к судьбе писателя. Издательство АСТ выпустило сборник произведений Андреева, озвученный российскими рэп-исполнителями, среди которых Булевар Депо и Томас Мраз. Это показательный знак времени: тексты, написанные более века назад, продолжают находить путь к новым поколениям читателей.

Одним из свидетелей этого интереса стал и литературно-краеведческий музей Леонида Андреева в московском Бутове, где бережно сохраняют память о писателе. О том, как создавался музей, какие редкие экспонаты удалось найти и почему Андреев по-прежнему остаётся нашим современником, мы поговорили с его руководителем Антоном Никулиным: — Как появился музей?

В экспозиции представлены и акварели художника Михаила Гурова, выполненные в издательстве "Советский писатель" в 1991 году как иллюстрации к сборнику пьес Леонида Андреева. У нас есть экспонаты, связанные с Даниилом и Вадимом Андреевыми — сыновьями писателя. Если имя первого не нуждается в представлении как автора знаменитой "Розы Мира", то второй до сих пор остаётся недооценённой фигурой русской литературы. Поэт, прозаик и мемуарист первой волны эмиграции, Вадим Андреев оставил заметное литературное наследие, которое, как мне кажется, ещё только предстоит по-настоящему открыть современному читателю.

Особый интерес вызывает кинохроника Александра Дранкова 1909 года — единственная сохранившаяся

первый сборник рассказов с дарственной надписью издателю и первое издание незаконченного романа "Дневник сатаны". — В чём секрет огромной популярности Андреева у его современников? — На мой взгляд, лучше всего на этот вопрос ответил Александр Блок: "Какжется, ярче всех до сих пор трепет нашего рокового времени выразил тот же Леонид Андреев". Леонид Николаевич сумел почувствовать и выразить настроение своей эпохи, поэтому его книги находили такой широкий отклик у читателей. — Почему человеку из нашего века стоит прийти в ваш музей? — Я думаю, чтобы почувствовать эпоху, в которой жил и творил Леонид Андреев. Ведь незнание своего прошлого неизбежно приводит к незнанию настоящего.

О Музее Леонида Андреева в Бутове

Музей был создан местными краеведами в 2018 году на территории бывшей усадьбы Бутова, где располагалась дача Леонида Андреева. Писатель проводил здесь летние месяцы, работал, фотографировал, принимал друзей. В Бутове были написаны рассказы "На станции" и, пожалуй, одно из главных произведений автора — повесть "Жизнь Василия Фивейского". Здесь прошли счастливые месяцы жизни писателя и его семьи. Основу музейного собрания составляют материалы, связанные с историей старого Бутова и пребыванием здесь Леонида Андреева: книги, фарфор, одежда, мебель. Среди экспонатов — фотографии членов семьи, друзей и гостей писателя, сделанные во время его дачной жизни. Отдельный интерес представляет стереоскоп конца XIX века — подобными устройствами пользовались многие представители образованной публики того времени. В экспозиции хранится сентябрьский выпуск газеты "Русская воля" за 1917 год с опубликованной статьёй Андреева о судьбе России в эпоху перемен.

киносъемка Леонида Андреева. Посетители могут увидеть писателя в повседневной жизни: на прогулках, во время семейных чаепитий и отдыха. — По какому принципу построена экспозиция музея? — Концепция музея опирается на знаменитую пьесу Андреева "Жизнь человека". Экспозиция разделена на несколько частей, каждая из которых рассказывает о важном этапе его судьбы: детстве в Орле, становлении как литератора, годах славы, драматических испытаниях эпохи и последних годах жизни. — Как формировалась коллекция? — Большую роль тут сыграли жители района и потомки семьи Москвиных, последних владельцев усадьбы. В частности — Ирина Генриховна Власова, правнучка Веры Михайловны Москвиной. Она передала нам аутентичную мебель, одежду, фарфор и, самое главное, — фотографии усадьбы Бутова конца XIX — начала XX веков. Пару лет назад, после экскурсии, одна женщина подарила музею четыре венских стула братьев Тонет. Кое-что сами покупаем, есть экспонаты из моей личной коллекции. Ещё мы тесно со-

Фурсов

Историк-аналитик

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте [Завтра.ру](http://zavtra.ru). Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, что самую лучшую, объёмную и точную оценку Андрея Ильича Фурсова (р. 16 мая 1951 г.) довелось слышать от одного из книгоиздателей: "Его любят!" А любовь, как известно, несводима к каким-то рациональным доводам: "Не по хорошу мил, а по милу хорош". Хотя при попытке всё-таки разобраться в причинах подобной любви можно привести немало аргументов и такого рода. Тем более если обратиться к известной фразе Антуана де Сент-Экзюпери: "Любить — значит вместе смотреть в одном направлении". В ней — явная подсказка о том, что такой таинственной и загадочной живой субстанции, как "душа народная" или "русская душа", просто любо смотреть на своё прошлое, настоящее и, главное, будущее в одном направлении с Фурсовым. А значит, сама траектория взглядов этого историка и мыслителя в целом соответствовала, соответствует и, есть все основания полагать, ещё будет соответствовать изменениям настроения нашего общества, своего рода медиане присущих ему массовых оценок и надежд. Причём такое соответствие не вызвано какой-то политической конъюнктурой, как у известного персонажа советского фольклора, который "всегда колебался вместе с линией партии", — нет, взгляды Фурсова нередко опережали и превосходили эти изменения "народной медианы" на шаг-другой, но никогда не противоречили им, не отставали от них и уж точно не фиксировались на повторении уже пройденного и преодоленного.

В этом постоянном научном творчестве-поиске и коллеги, и просто читатели А.И. Фурсова сразу могут найти и выделить для себя две безусловно взаимосвязанные редкие ныне черты: искренность и бесстрашие. Запретных, закрытых тем, "белых пятен" и "чёрных дыр" для него принципиально не существует, а всё, что по каким-то соображениям считается или признаётся таковым, подвергается процедуре исследования по вполне верифицируемой методологии "анализ — синтез — прогноз" на основе весьма обширного и непрерывно пополняемого Андреем Ильичом объёма его знаний. Поэтому вовсе не удивительно то постоянное внимание, которое уделялось и уделяется его работам не только у нас, но и за рубежом, причём как на Западе, так и на Востоке (кстати, первая профессиональная специализация А.И. Фурсова — история Востока, точнее даже — монголоведение, не самое востребованное и популярное направление, но неизменно, в любых хронологических рамках, связанное для нашей страны с "ордынским", далеко не самым светлым и безоблачным, но весьма значимым и во многом даже ключевым, периодом её истории, без опыта которого Россия как мировая держава и цивилизация вряд ли могла бы состояться). Собственно, из этого зерна, явно "незападного" по своей природе, иросло множество оригинальных исторических теорий Андрея Ильича, в совокупности образующих его единую и цельную концепцию метаистории: от современного сверхсистемного "кризиса-матрёшки, воплощающего в себе черты сразу трёх крупнейших кризисов человечества — позднефеодалного, позднеантичного и "неополитической революции", — до роли криптоструктур "чёрной аристократии" в обеспечении пятывекового и всё ещё длящегося господства на нашей планете сначала стран Европы, а потом и "атлантической цивилизации" и в создании кластера, не вполне точно называемого "дипстейт" ("глобальное государство"), из "активных сегментов капитала, госбюрократии и надгосударственных структур" как реальной формы организации власти в современном посткапиталистическом обществе. И т. д. и т. п.

ИНЫМИ СЛОВАМИ, по работам Фурсова можно проследить траекторию движения этой самой "русской души" и сделать определённые выводы о том, почему Россия при Путине отказалась от выделенного ей и со времён Горбачёва — Ельцина вроде бы безоговорочно принятого её места в модели "глобального рынка" с "концом истории", вместо этого выбрав движение по иному пути: от "суверенной демократии" до нынешней "гибридной войны" против коллективного Запада в виде Специальной военной операции; почему с февраля 2022 года поддержка СВО в нашем обществе, несмотря на все потери и лишения, остаётся на уровне не менее 70–80%, а Победа 1945 года, вопреки всем стараниям отечественных и зарубежных противников Сталина, продолжает восприниматься как главное, вершинное событие нашей истории. "Сталинизм стал активной и великодержавной формой выживания русских в XX веке в условиях исключительно враждебного окружения, нацелившегося на "окончательное решение русского вопроса", — отмечал Фурсов в одной из своих почти трёхсот работ, опубликованных газетой "Завтра". Так что заявленная американским геостратегом Зб. Бжезинским победа Запада "над исторической Россией, как бы она ни называлась", вовсе не является свершившимся или даже неизбежным, "запрограммированным" фактом, и тот опыт отечественной и мировой истории, к которому обращается в своих трудах Фурсов, тоже служит нашим оружием в нынешней схватке — не менее значимым, чем беспилотники, системы космической разведки или РЭБ.

Владимир ВИННИКОВ